

*Деду моему,
Леонтию Сергеевичу*

Берег, со стороны которого двигались передовые части наступающих войск, оказался пустым: лишь чахлый кустарник да жидкая рощица вдали от воды. Поэтому старый деревянный мост, который немцы торопливо взорвали при отступлении, разрушив только середину, было решено восстанавливать с противоположной стороны, где на крутом берегу чернела старая лесопосадка — хороший строительный лес.

Перед саперным подразделением из тридцати конных гвардейцев была поставлена задача: к вечеру следующего дня восстановить мост. О дальнейших целях командование не распространялось, но по опыту предыдущих наступлений саперы догадывались, что уже следующей ночью здесь, в стороне от основного удара, планируется прохождение мобильной группы, в задачу которой обычно входит нарушение планов отступающего противника. Дело осложнялось тем, что подразделение на этот раз не было обеспечено взводом охраны, как принято. Но гвардейцы, как всегда, приказ не обсуждали, только посетовали: «Эх, хотя бы пару пулеметов да винтовки б поменять на «пэпэша»!..» Но куда там! Бегом-бегом: на коней, и вперед!

Переправлялись ночью. Кони везли на спинах выюки с инструментом. В рощице изготовили два небольших плота, на них погрузили овес для коней, мотки проволоки, бечевы, ящики с гвоздями...

Переправляться вплавь для Леонтия было всегда неприятно. По простой причине, в которой ему, крестьянину, признаваться было не с руки: плывал он плохо, можно сказать, совсем не умел. Выручал в таких случаях конь, непрменный спутник солдата саперной части, в которую был реорганизован в начале войны кавалерийский эскадрон. Но Орлик, который верно служил последние полгода, на вчерашнем перегоне был ранен осколком снаряда, и его пришлось пристрелить. К новому коню, какому-то случайному, неизвестно от какого хозяина, безымянному хилому «воронку» Леонтий еще не приновился, одно хорошо — жеребец вел себя смиренно. Даже имя ему не стал давать — временное животное. Когда входили в воду, Леонтий думал об одном: только б доходягя держался на воде, иначе труба дело.

Вошли в воду, «воронок» послушно устремился за остальными конями. Леонтий плыл рядом, держась за седло, подгребая свободной рукой. Но на самой середине реки коняшка, тихо захрапев, пошел ко дну. Леонтий успел отцепить от седла мешок с личным инструментом, однако с этой тяжестью тоже пошел вслед за конем. Благо все это происходило возле плота, и Леонтия, изловчившись, ухватил за гимнастерку лейтенант: «Левко, ты чего там потерял? Там добра нема, залазь до нас...»

Всю ночь просидели в леске, с оружием наизготовку, немного обсохли. Наутро, изучив местность, лейтенант приказал валить лес, рубить сучья и скатывать бревна к воде, к мосту. До этого определил дозоры. Один пост поставил в лесополосе, которая закрывала берег со стороны бесконечного поля. Здесь все хорошо просматривалась.

Выше по течению обзор закрывали высокие холмы, за которыми виднелась грунтовая дорога, расходящаяся двумя ветками: одна дальше вдоль реки, скрываясь за следующим участком лесопосадки, другая, под прямым углом от первой, ныряла в низину за холмы. Если немцы подойдут с какой-либо стороны незаметно, что вполне возможно из-за рельефа местности, то саперов перестреляют как куропаток.

— Ты ж смотри, Леонтий, — наставлял лейтенант, — если что, дай знать, только без шума. Чтобы мы успели выдвинуться к холмам и там встретить. Фрицам ни мост, ни наше саперное хозяйство, — он кивнул на бойцов, готовящихся к работе, — видеть никак нельзя. Мы ведь с горки — как на ладони, с двух «шмайсеров» покосить можно. Да и, главное, мост потом спокойно доломают... А вот если сами их сверху шугнем, подумают, что мы либо авангард, либо сильная разведка, связываться не станут и больше не сунутся, пуганые: все-таки мы наступаем, а не они. Конкретно: увидишь фрицев — тикай сюда!..

Леонтий нашел удобную воронку от бомбы, обработал ее саперной лопатой, получился хороший окоп с бруствером. Причем, учитывая, что кругом такие же воронки, издалека его укрепление вряд ли можно определить как рукотворное. Устроился спиной к холмам, за которыми мост, лицом — к дороге. Все ничего, только штаны да гимнастерка сыроваты. Мешает нагрудный карман, — это разбухли, намкнув, письма от жены и семейные фотографии, которые он всегда носил у сердца. Леонтий вынул влажный брикет из кармана. Выпала фотография, присланная в последнем письме. Семья почти в полном составе, только без него, хозяина, — жена Ульяна и дети: Ананий, Василий, Варвара. Подсушить бы, — с сожалением подумал, и уложил фотографии обратно...

Вглядываясь в окрестности речки с незапомнившимся названием, подумал: чужие края, а так же все почти, как дома. Иногда прямо чувствуется: не сон ли все то, что происходит? Вот и сейчас, даже земля цветом и запахом — как в Узбекистане. Черноты, а значит плодородия, маловато, не то, что на воронежских просторах... Эх, Господи, все перепуталось. Который год война. Ладно, — германцы, здесь все понятно, а сами-то чего?..

...Только Леонтий женился — дошла до их воронежского села (наполовину хохлы, наполовину кацапы) коллективизация. По улицам ходили счастливые активисты в чужих сапогах и кожухах: «Кто был никем, тот станет всем!» — бывшая голытьба да пьянь «рассчитывалась» с зажиточными земляками-трудягами. Отца, сельского мельника, раскулачили, но не выслали, — оставили работать на теперь уже колхозной мельнице. Мельница — считай завод, там одним маузером работу не обеспечишь, мозги да руки нужны. Большой дом, правда, отобрали в пользу одной малоимущей семьи, зато другой, поменьше, оставили, — сыновья с семьями, да дочка малая, народу много, где-то жить нужно. Кстати, отобранный отчий дом со временем пришел в разоренье: дырявая крыша, поросший сорняком двор, некормленная скотина... В конце концов, его сжег вместе с собой новый пьяный хозяин, старый сельский «невдаха».

Отца предупредил сосед, из активистов: «Сергей, оставили тебя в покое до поры. Политика такая идет: ликвидация кулачества как класса. Ждем указаний. Тем более, за тобой грешок еще с продразверстки». Намекал на случай с губернским уполномоченным, которого Сергей, ветеран германского фронта, не желая отдавать хлеб нового урожая, буквально насадил на вилы: «Вот так нас учили немцев бить!..» Продразверстник остался в живых, его спас толстый казенный кожух да ремень с медной бляхой. Рядом шли бои — белые сменяли красных, следом заходили казаки — и Сергеем никто в суматохе заниматься не стал. Красный обоз с отнятым у сельчан продовольствием ушел дальше, но случай запомнился. В соседних селах некоторых раскулаченных вместе с семьями уже ссылали в Сибирь. Сергей, не желая подвергать близких опасности, распустил сыновьев по хатам на разных концах деревни, потихоньку продал дом, отбыл из села вместе с дочкой (жены на тот момент уже не было в живых). Уезжая, сыновьям сказал: «Найду волю — дам знать. Авось пока вас не тронут».

Обратив всю землю в пользу колхоза, всем новоявленным колхозникам нарезали небольшие участки по окраинам под огороды. Актив уверял: насчет хлеба, картошки, овощей не беспокойтесь, что вырастим — то наше. На том колхозники и успокоились, высадив на личных огородах бахчу да огурцы.

Леонтий дом у дворе своей усадебки, рядом с хаткой стал строить добротный дом. Огород ему достался на окраине села, пнистый клин у перелеска. Выкорчевал сосновые корневища, распахал землю и посеял... пшеницу. «Глупый ты, Левко, — посмеивались земляки, — на одном хлебе следующий год жить собрался? А как же насчет солененьких огурчиков на закуску? У нас покупать будешь?»

Богатый выдался урожай. Колхозный хлеб загрузили на подводы и увезли. Остались колхозники с «гарбузами» да тыквой на всю зиму — живи, как хочешь. С огорода намолотил Леонтий два мешка муки, они и

спасли молодую семью — он да жена — от настоящего лютого голода, который довелось пережить черноземной губернии в тот чернотгод.

Таким и жил Леонтий всю свою жизнь: своим умом, не веря ни в посулы, ни в манну небесную, — сказалась отцовская «самостоятельная» жилка.

Отец искал волю на Урале, в Сибири, в Северном Казахстане. Нанимался в работники в сельской местности: ремонтировал, строил — мастером был на все руки. Присматривался к обстановке, к природе, к людям. Оценив все вокруг, получал деньги за работу, быстро снимался с места, ехал дальше. Иногда посылал весточку детям: дескать, мы с вашей сестренкой живы, здоровы, чего и вам желаем. Наконец пришло от него обстоятельное письмо из-под Ташкента: так и так, устроился, колхоз добротный, люди такие же — русские да хохлы, никто никого не раскулачивает и не выселяет, построил дом, приезжайте, — семья должна быть вместе.

Слово отца — закон. Но сниматься с места боязно. Здесь как-никак все понятное. А что там, в басурманских краях, неизвестно.

Все решил тридцать третий год. Кое-как перезимовали: колхоз, который год едва сводил концы с концами, отдавая по плану урожай государству; стало быть — полнейшее истощение, запасов никаких. В мае родился сын Василий. Засушливое лето. Опять маячила впереди несытная зима. И точно: принес Леонтий осенью зерно, выданное на трудодни, — мешок в нагрудном фартуке. Вышел на середину двора: «Цып-цып-цып!..» — наклевалась-наелась домашняя птица. Стало окончательно понятно, что это оказался не просто засушливый, а по-настоящему голодный год. Отряхнул фартук и сказал решительно: «Все, Ульяна, едем до батьки!..»

Зимой, когда люд кругом стал пухнуть от голода, а активисты, еле держась на ногах от недоедания, опять стали искать ведьм, виноватых во всех напастях (а также потомков нечистой контрреволюционной силы и ей сочувствующих), Леонтий и Ульяна, взяв детей и несколько узлов, — сколько уместилось на бричку, — выехали в сторону вокзала. За околицей остановились, обернулись к селу. Перекрестились, поклонились своему новому дому, в котором так и не удалось толком пожить, заплакали, да так плача и двинулись дальше.

Вскоре следом выехали еще два Леонтьевых брата с семьями...

В хлопкосеющий колхоз под Ташкентом приехали новые работающие семьи. Скоро сообща отстроили добротные дома, не хуже, чем вокруг. А жили здесь хорошо, потому как собрались в основе своей такие же люди, как Сергей и его сыновья да снохи, со всей России, оттуда, где они вдруг стали изгоями. Жили вокруг узбеки, татары, позже появились целые поселения депортированных с Дальнего Востока корейцев.

Жили, перенимая друг у друга обычаи, традиции, иногда заключая смешанные браки. И все же это был кусочек России: те же проселки да улицы, те же плетни, завалянки, девчата и хлопцы, гармонии и хороводы, пруды и речки, вишневые и яблоневые сады... Народились новые дети, для которых эта узбекская благодатная земля стала не «второй», а настоящей Родиной. Через несколько лет, окончательно укоренившись, обустроившись, пришлые славяне уверовали: это и есть их доля и воля, так тому и быть.

Но война черным крылом опять нагнала страшную тень...

В июне сорок первого Леонтия призвали в Красную Армию. Таким

образом ему опять довелось побывать на родине, в России, освобождая ее от коричневой нечисти, — проехать по ней, пройти, проползти... И вот сейчас он лежит на западных рубежах этой дорогой земли, любуясь красотами природы, вдыхая родные запахи, слушающая знакомые звуки...

...Загудели самолеты. Звезды на крыльях, — наши. С востока на запад. На душе полегчало. Значит, будем дома. Скоро ли?.. Уже не так важно. Главное — выжить.

Под небесный шум, как видения, с двух сторон дороги одновременно вынырнули два мотоцикла с колясками. Остановились на значительном отдалении друг от друга, сразу же заглушили двигатели. Экипажи, — по два немца, — помахали друг другу руками, пожестиковали, рты на замках. Двинулись, с автоматами наперевес, в сторону гряды холмов, за которыми — мост, где уже вовсю работали (отчетливо слышался стук топоров и «вжики» пил) саперы. Пройти немцам до цели оставалось шагов полтора.

Так получилось, что Леонтий оказался посередине, на равном расстоянии от каждого из мотоциклов. Если бы немцы появились в одном месте, то Леонтий спокойно бы отошел к мосту, и далее все развивалось бы согласно предположениям лейтенанта. Но сейчас это сделать невозможно: уходя в сторону от одной пары немцев, непременно становишься заметным для другой. Он разглядел на одном из мотоциклов пулемет, а на другом, в коляске, — зеленые ящики (возможно, взрывчатка).

Оставалось одно: немедленно вступить в перестрелку, чтобы саперы, услышав выстрелы, успели скрыться в лесопосадке, занять удобную оборону. В таком случае подразделение уцелеет, а вот мост — вряд ли: если даже немцы, увидевшие саперную группу без охранения, и уедут, то затем непременно вернуться хотя бы со взводом автоматчиков. Тогда, вытеснив наших бойцов от берега, разрушат мост окончательно, и таким образом расстроят планы наступления на этом участке. Но выбирать уже некогда: хотя бы сами тридцать хлопцев в живых останутся, домой вернуться, даст Бог. Ну, не тридцать, а двадцать девять, — за вычетом его, Леонтия, чего уж там, — четыре «шмайсера» против одной винтовки...

Конечно, можно вжаться в дно окопа, затихнуть мышью, тогда — «один из тридцати»... — так не думал Леонтий, потому что уверенно брал на мушку ближнего вражину. Хлопнул выстрел, немец споткнулся, на секунду замер на четвереньках, завалился набок. Леонтий прыгнул к другому краю окопа, прицелился в одну из залегших фигур, выстрелил, таким образом, уже окончательно обнаружив свое местоположение. Застрочили автоматы, засвистели пули, над головой поднялась пыль. В это время пришла мысль о том, что все еще может повернуться как надо: немцы отступят к мотоциклам и уедут восвояси, не получив информации о том, что делается за холмами. Для этого нужно вывести из строя хотя бы еще одного немца, желательно с другого мотоцикла. Из положения лежа сделать это невозможно: мешает бруствер, ограничивая обзор, и его противники, конечно, залегли, попрытав туловища за холмиками. Леонтий мелко перекрестился, передернул затвор, приладил приклад к плечу, чтобы потом не терять секунды, сориентировал винтовку в нужную сторону, пружинисто вскочил. «Эх, мать вашу сто чертей!..» Он выстрелил, а в это время с противоположного бока по его окопу прошла длинная очередь...

Его отбросило на дно окопа. Глаза засыпало пылью. И тут грянули несколько дружных винтовочных залпов. Леонтий понял, в чем дело. Ай да командир! Видимо, оценив верно ситуацию, — идя на подмогу, но уже явно не успевая, — лейтенант по ходу скомандовал залпы в воздух, чтобы хоть так помочь Леонтию, — испугать немцев: много нас, идем на поддержку! В дополнение грянуло с реки мощное «ура!» Потом затарахтели мотоциклы, и через минуту это тарахтенье сошло на нет. Еще через некоторое время над Леонтием склонился лейтенант...

Это было не первое и не последнее ранение Леонтия, солдата-победителя, дошедшего до Берлина, вернувшегося домой и прожившего долгую, добрую жизнь. В том бою он оказался боком к строке автоматной очереди, точно между двух немецких пуль, которые оставили на его теле две рваные канавы — на спине и на груди. Пуля, что прошла над сердцем, разрежала, как ножом, письма и фотографии — их половинки, как память о войне, а может быть, о Божьей справедливости, долго хранила семья.

